

¹⁰ Лазарев Б.М., Лунев. А.Е. Основы законодательства об административных правонарушениях // Советское государство и право. – 1981. – № 4 – С. 26.

¹¹ Бахрах Д.Н. Указ. соч. – С. 171-172.

¹² Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924-1963 гг. – М.: Госюриздат, 1964. – Ст. 444.

¹³ Бахрах Д.Н. Указ. соч. – С. 173.

¹⁴ Цит. по: Галаган И.А. Административная ответственность. Процессуальное регулирование. – Воронеж: Изд-во Воронеж. госуд. ун-та, 1976. – С. 157.

¹⁵ Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1962 – № 9. – Ст. 121.

¹⁶ Лазарев Б.М. отмечал, что к концу 70-х гг. законодательство об административных правонарушениях насчитывало около 500 союзных и республиканских законодательных и нормативных правительственных актов. См.: Лазарев Б.М., Лунев. А.Е. Указ. соч. – С. 19.

¹⁷ Ведомости Верховного Совета СССР – 1980. – № 44. – Ст. 166.

¹⁸ Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1984. – № 27. – Ст. 909.

¹⁹ Бородин С.В., Шергин А.П., Саввин М.Я. О проекте кодекса союзной республики об административном правонарушении // Советское государство и право. – 1981. – № 5 – С. 13.

²⁰ Административная ответственность и проблемы административного права (Четвертые «Лазаревские чтения») // Государство и право. – 2000. – № 10. – С. 34.

²¹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407.

²² Ситуация была исправлена только с вынесением Конституционным Судом РФ постановления от 28.05.99 № 9-П «По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 266 и п. 3 ч. 1 ст. 267 КоАП РСФСР в связи с жалобами граждан Е.А. Арбузовой, О.Б. Колегова, А.Д. Кутырева, Р.Т. Насибулина и В.И. Ткачука» (Вестник Конституционного Суда РФ. – 1999. – № 5), которым признаны несоответствующими Конституции РФ положения ч. 2 ст. 266 и п. 3 ч. 1 ст. 267 КоАП РСФСР, как исключющие возможность проверки по

жалобам граждан законности и обоснованности судебного решения еще одной судебной инстанцией, уполномоченной на исправление судебной ошибки. В качестве одного из оснований признания названных положений неконституционными суд указал, что дела о некоторых правонарушениях административного характера рассматриваются арбитражными судами по правилам АПК РФ, предусматривающего в отличие от КоАП РСФСР право гражданина обжаловать решение суда первой инстанции в апелляционном и кассационном порядке, – следовательно, столь различающиеся правила в части пересмотра судебных решений в рамках одного судопроизводства несовместимы с требованиями Конституции РФ о равенстве всех перед законом и судом.

²³ См.: абз. 2 ст. 226 КоАП РСФСР.

²⁴ Такое полномочие предоставлено соответствующим должностным лицам ч. 2 ст. 3.10 КоАП РФ и касается случаев совершения иностранным гражданином или лицом без гражданства административного правонарушения при въезде в Российскую Федерацию.

²⁵ Компетенция судей в части обжалования постановлений по делам об административных правонарушениях определена в ст. 30.1 КоАП РФ.

²⁶ Согласно ч. 1 ст. 202 и ч. 1 ст. 207 Арбитражного процессуального кодекса РФ дела о привлечении к административной ответственности, отнесенные федеральным законом к подведомственности арбитражных судов, а также дела об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности рассматриваются по правилам искового производства с особенностями, установленными гл. 25 АПК РФ и федеральным законом об административных правонарушениях.

Следует также отметить, что в настоящее время ст. 23.1 КоАП РФ относит к подведомственности судей арбитражных судов дела об административных правонарушениях, предусмотренные 23 статьями данного кодекса.

Е.Ю. Титлина

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТАЙНА И СУД ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

In the article the author considers a political-legal aspect of a problem of conservation of public secret during jury consideration of cases connected with it.

Процесс демократизации охватил современное российское общество. Одним из проявлений этого процесса обоснованно считается внедрение в практику института присяжных заседателей. Бисмарк когда-то сказал: «Русские долго запрягают, но быстро ездят». Слова «железного канцлера» подтвердились в очередной раз. Едва внедрив институт присяжных заседателей, мы оказались «впереди планеты всей» по части его применения. Как писала «Российская газета» (№ 224 от 05.11.2003 г.), «в Москве начался судебный процесс, которому, возможно, суждено будет войти в историю. Суд присяжных рассматривает дело по обвинению в государственной измене Игоря Сутягина, ученого из Института США и Канады РАН». Тем самым Россией создавался новый прецедент в мировой практике судопроизводства: еще никогда и нигде на рассмотрение «судей из народа» не выносились дела, содержащие информацию, составляющую государственную тайну.

Этот факт не мог не вызвать отклика среди специалистов. Так, в «Российской газете» за 05.11.2003 г. была опубликована статья под заголовком «Присяжным доверили гостайну». Совет экспертов, состоящий из известных и уважаемых специалистов (А. Алексеев – депутат, председатель подкомитета Государственной Думы третьего созыва, доктор наук, профессор, С. Седов – судья Московского окружного военного суда, Г. Мирзоев – президент гильдии российских адвокатов, доктор юридических наук, профессор), обсуждал в редакции газеты круг проблем, касающихся вышеуказанной темы.

Спорить со специалистами столь высокого уровня, по меньшей мере, самоуверенно, и такой задачи автор данной статьи перед собой не ставил. А вот высказать некоторые «мысли по поводу...», возникшие после ознакомления с вышеуказанной статьей, – такое желание вполне правомерно. Возможно, что и читателям это покажется

небезынтересным. С другой стороны, дискуссия, обмен мнениями по данной проблематике оказались бы очень полезными. Поскольку, если мы строим в нашей стране правовое государство и формируем гражданское общество, то должны осмысленно занимать определенную позицию, а не доверять слепо мнению специалистов-экспертов, даже самого высокого ранга.

Бесспорно, институт присяжных заседателей – это инструмент правового государства и гражданского общества. Он, как любое социальное учреждение, является служебным средством при защите прав и свобод человека и гражданина, и как таковое сам по себе ни хорош, ни плох. Все дело в том, как он используется, насколько оправданно его применение. Если создание института присяжных заседателей – самоцель, то нет гарантии, что это служебное средство не будет использовано во вред обществу. То есть формальный подход приводит к результату, когда поставленная цель не достигается, хотя все внешние атрибуты в наличии. Тогда возникает вопрос: «Для чего же все-таки создается институт присяжных заседателей?». Чтобы «выглядеть» как передовые страны западной демократии? Именно «выглядеть», не перенимая сущности этого демократического института гражданского общества и правового государства. Такой подход к созданию и использованию суда присяжных не принесет пользы обществу вообще.

У профессиональных юристов несколько иное понимание того, в чем состоит ценность суда присяжных. Так, А. Александров утверждает, что преимущество суда присяжных состоит в том, что он «дальше всех от коррупции» – в силу того, что «всех вместе подкупить нельзя». Само по себе подобное утверждение не вызывает возражений, но это все же довольно узкий взгляд на проблему. Вопрос честности и неподкупности судей надо отличать от вопроса, в чьих интересах осуществляется судопроизводство – в интересах общества или государства. Суд присяжных выполняет чрезвычайно важную функцию контроля общества за деятельностью одной из ветвей государственной власти – судебной.

Но в целом положительно оценивая роль суда присяжных заседателей как механизма, обеспечивающего «прозрачность» судопроизводства в интересах общества, все же следует отдавать себе отчет в том, что назначение ин-

струмента и его использование – не одно и то же. Применительно к рассматриваемой проблеме вопрос заключается в следующем: во-первых, можно ли в принципе выносить на суд присяжных заседателей дела, связанные со сведениями, составляющими государственную тайну, во-вторых, можно ли это делать в специфических условиях современной России.

Нет необходимости доказывать, что эффективность действия суда присяжных заседателей напрямую зависит от степени зрелости гражданского общества. Только при условии его достаточной зрелости суд присяжных будет действительно эффективным как в собственно правовом, так и в социально-политическом отношениях.

Закономерно возникает вопрос: «Является ли гражданское общество в современной России достаточно зрелым?». Представляется, что пока нет. По мнению автора данной статьи, достаточно оснований утверждать, что в нашей стране процесс формирования гражданского общества находится лишь на начальной стадии. Еще слишком сильны в российском обществе авторитарно-тоталитарные тенденции. А путь от тоталитаризма к демократии достаточно долог и труден. На этом пути этап авторитаризма неминуем (свидетелями чего мы все в настоящее время и являемся).

Усугубляет ситуацию то обстоятельство, что в нашей стране достаточно высока степень коррумпированности и криминализации общества, а главное – коррумпированности и криминализации государственных структур, в том числе и тех, функцией которых является борьба с этим самым криминалом. Широкую огласку получили дела «оборотней в погонах» и «оборотней в пиджаках». В таких обстоятельствах выполнять функции присяжных заседателей для граждан становится просто опасным (механизм их защиты еще не отработан). Присяжные при рассмотрении дел, связанных с криминалитетом, попадают в ситуацию морального выбора: либо пойти на сделку со своей совестью и сохранить себя, либо... Государство в данных обстоятельствах как бы «перекладывает» решение серьезнейших проблем на плечи своих граждан – на «судей из народа», в то время как подобные дела должны рассматриваться юристами-профессионалами. Очевидно, что такое «перекладывание» решения труднейших и серьезнейших проблем, по меньшей мере, безнравственно со стороны государства по отношению к своим гражданам.

А теперь к вопросу о том, «можно ли и следует ли доверять государственную тайну присяжным заседателям?». На этот вопрос хотелось бы ответить другим вопросом: «Если большинство потенциальных кандидатов в присяжные заседатели не готовы участвовать в деятельности судебных органов, готовы ли они к защите (сохранению) государственной тайны как одной из главнейших ценностей своего государства?». Ответ на этот вопрос представляется автору данной статьи отрицательным. К огромному сожалению, большая часть граждан современной России ощущает государство как субъект, стоящий над обществом, как нечто отчужденное от общества, а порой и враждебное ему.

Формирование институтов гражданского общества требует усилий не только со стороны властей, но и (это, пожалуй, главное условие) со стороны самого общества. Однако пока мы являемся свидетелями того, что тенденции самоорганизации, самодеятельности, самоуправления в обществе практически выражены крайне слабо. Политические партии и общественные организации представляют собой не столько механизмы самовыражения интересов широких слоев населения, сколько формы обслуживания политической элиты. Об этом свидетельствует тот факт, что общественные организации и политические партии «строятся сверху» – создаются из федерального центра, не имеют широкой опоры в социуме (под-

тверждением тому служит малочисленность их региональных отделений). То есть налицо лишь формальные признаки гражданского общества, а по существу мы имеем авторитарное государство. До сих пор в сознании у россиян господствуют патерналистские настроения: будет хороший президент и правительство – будет порядок в стране, будут решены все социально-экономические проблемы. В сознании людей отсутствует представление «государство – это мы, граждане своей страны». Сложности, возникающие с формированием коллегии присяжных заседателей (об этом говорил С. Седов, ссылаясь на практику Московского областного суда), также являются ярким подтверждением того, что граждане РФ не готовы активно участвовать в деятельности общественных институтов вообще и судебной ветви власти – в частности. По имеющимся данным, из 1000 извещенных кандидатов в присяжные заседатели откликаются только 40, а из этих 40 с трудом набираются необходимые 14 (по разным объективным причинам остальные отказываются).

Чтобы изменились взаимоотношения государства, власти и общества, должны измениться сознание россиян, их менталитет. Перестройка сознания людей – процесс длительный и трудный, наше российское общество только в начале этого пути, и помнить об этом необходимо.

Однако предположим, что данный путь пройден и наши граждане активно, добросовестно и ответственно работают в составе коллегий присяжных заседателей, им доверены дела, связанные со сведениями, составляющими государственную тайну. В каком положении они оказываются? Во-первых, как справедливо указывает С. Седов, «сами заседатели становятся пассивными носителями секретной информации и, естественно, будут представлять особый интерес для спецслужб иностранных государств», а во-вторых, они могут произвольно разгласить сведения секретного характера.

Если дела, связанные с разглашением информации, составляющей государственную тайну, вывести из-под юрисдикции судов присяжных, то тем самым общество утрачивает возможность осуществлять контроль за деятельностью одной из сфер судопроизводства. Возникает угроза, что человек, работающий с секретной информацией, может превратиться в заложника секретных инструкторов. Точка зрения, что таких дел не так уж и много, не выглядит убедительной, поскольку речь идет о судьбе человека.

Выход из данной ситуации представляется в следующем: во-первых, дела, связанные с государственной тайной, действительно следует вывести из-под юрисдикции судов присяжных заседателей (это будет в интересах и самих «судей из народа», и государства). А во-вторых, в целях защиты интересов человека, против которого выдвигается обвинение в разглашении секретных сведений, необходимо выработать и законодательно утвердить такое определение государственной тайны, которое бы обеспечило четкую определенность в идентификации состава такого рода преступлений. Кроме того, чтобы обвиняемого в разглашении государственной тайны оградить от опасности произвола чиновников, желающих свести счеты с неугодным сотрудником, следует для подобного рода дел создать особый регламент, как это предлагает Г. Мирзоев. Его утверждение, что есть «какая-то нестыковка в части правового регламента законодательства, нормативных актов, определяющих порядок работы с гостайной и вообще всего, что относится действительно к государственной тайне», звучит достаточно убедительно. А его предложение «устроить специальное рассмотрение на заседании думского Комитета по безопасности, совместно с заинтересованными структурами обсудить этот вопрос, посмотреть еще раз законодательство, и федеральное, и внутренние нормативные акты, как ими пользоваться,

насколько они соответствуют закону», представляется обоснованным. Создание такого особого регламента – дело юристов-профессионалов.

Подводя итог изложенному, следует подчеркнуть, что при решении вопроса о сроках и масштабах применения

суда присяжных, необходимо всегда помнить, что право и политика – это две разные, хотя и смежные сферы. И широкое применение суда присяжных по политическим мотивам есть подмена права политикой. А всякая подмена деструктивна.

Н.В. Корнилова

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

The definition of the right of property was always the subject of many discussions because of its role. To give the definition of the right of property is one of the most difficult questions of Civil Law. A lot of approaches are offered to this definition; its criteria which must be given in this definition.

Собственность как состояние присвоенности материальных благ возникает с момента появления человеческого общества, но правовому оформлению эти отношения подвергаются с возникновением государства. Вопрос о понятии права собственности всегда был предметом дискуссий.

В сущности нельзя дать единого понятия о праве собственности и тем более нельзя утверждать, что в гражданском обороте есть какое-то единое право собственности¹; в науке гражданского права на сегодня нет определения понятия права собственности, которое бы в полной мере отражало сущность данной правовой категории². Заметим, что эти два утверждения были высказаны с интервалом практически в век.

Еще в XIX в. закрепились подходы к понятию права собственности. Первый подход получил развитие в работах таких ученых как Д.И. Мейер, Ф.К. Савиньи. Так, Д.И. Мейер писал: «Право собственности есть законное господство лица над вещью, в силу которого лицо может ею владеть, пользоваться и распоряжаться»³. О.С. Иоффе подвергает такой подход критике, отмечая, что в результате право собственности оказывается лишенным какого то бы ни было общественного содержания, превращается в фетишизированный образ отношений человека к вещи, господства человека над вещью, хотя в действительности здесь складываются отношения между людьми⁴.

Указывал на данный недостаток и Г.Ф. Шершеневич, отмечая, что юридическое отношение возможно только между лицами. Где нет общества, там нет и права, а следовательно, и юридических отношений. Робинзон Крузо господствовал над всем островом, имел необходимые для его потребностей предметы, но отношение его к ним было только фактическое. Как остроумно замечает французский юрист Плянхоль, непосредственное отношение к вещи наблюдается только у вора, от которого собственник тем именно и отличается, что его отношение к вещи обязательно для других лиц⁵.

Согласно второму подходу, сторонником которого являлся Г.Ф. Шершеневич, право собственности – это отношение между собственником и всеми третьими лицами, которые не должны мешать собственнику в осуществлении его господства над вещью и воздерживаться от своего воздействия на нее. Так, Виндшейд писал: «Все права существуют лишь между одним лицом и другим, а не между лицом и вещью. Вещное право знает одни запретительные нормы; его содержание, следовательно, отрицательно. Оно состоит в том, что все должны воздерживаться от воздействия на вещь и не мешать подобному воздействию со стороны управомоченных лиц»⁶.

Вместе с тем и этот подход подвергается критике по следующим основаниям.

Во-первых, в юридической литературе отмечается, что

право собственности не может иметь только отрицательное значение. Ошибочность (подобных взглядов – Н.К.) заключается в том, что право в субъективном смысле отождествляется с дозволенностью поведения⁷.

Во-вторых, в свете сопоставления с марксистско-ленинским подходом неприятия возможности связи человека и вещи в правоотношениях собственности собственника мало интересуют другие субъекты гражданских правоотношений и их действия. Собственность затрагивает иных, помимо собственника, участников гражданско-правовых отношений лишь в аспекте защиты, воздержания всякого и каждого от нарушения права собственности. А в этом смысле также вряд ли правильно говорить о наличии каких-либо отношений, связи субъектов по поводу имущества. Эта связь как раз должна отсутствовать, поскольку все иные (не собственники) относятся к вещи как к чужой⁸.

Вместе с тем не отрицалось и рассмотрение права собственности как отношения лица к вещи и отношения между собственником и иными лицами: Так, В.И. Синайский писал, что право собственности может быть определено двояко: 1) как господство (власть) лица над вещью и 2) как отношение между лицами в смысле права устранять чье-либо воздействие на свою вещь⁹.

Как уже отмечалось выше, именно в Своде законов гражданских Российской империи было закреплено понятие права собственности. В ст. 420 Свода говорилось о праве собственности как о власти, в порядке гражданскими законами установленной, исключительно и независимо от лиц посторонних владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом вечно и потомственно. Достоинствами определения были: указания на принадлежащие собственнику правомочия, исключительность и независимость от третьих лиц; наличие пределов в осуществлении права собственности.

Кроме того, различалось как полное, так и неполное право собственности. Право собственности есть полное, когда в пределах, законом установленных, владение, пользование и распоряжение соединяются с укреплением имущества в одном лице или в одном сословии лица, без всякого постороннего участия. По праву полной собственности на имущество владельцу принадлежат все плоды, доходы, прибыли, приращения, выгоды и все то, что трудом и искусством его произведено в том имуществе (ст. 425).

Право собственности признавалось неполным, когда оно ограничивалось в пользовании, владении или распоряжении другими посторонними, также с неполными на то же самое имущество правами. Такими правами назывались право участия в пользовании и выгодах чужого имущества и право угодий в чужом имуществе. Кроме того, право собственности признавалось неполным, когда им пользовались владельцы таких имений как заповедные наследственные, временно-заповедные, а также жалуемые на основе майоратов в западных губерниях, в случае отделения от права собственности права владения и пользования; права распоряжения; при установлении на имение права застройки (ст. 432).

Такое законодательное деление права собственности на полное и неполное подвергалось критике. В.И. Синайский указывал на то, что право собственности всегда есть полное, хотя бы собственник не имел ни владения, ни пользования, ни распоряжения. Неполным может быть